

В. С. Толстов

**От красных лап в
неизвестную даль**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. С. Толстов**
От красных лап в неизвестную даль / В. С. Толстов – М.: Книга по Требованию,
2015. – 324 с.

ISBN 978-5-519-19804-2

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1921 г.

ISBN 978-5-519-19804-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

С падением Владивостока казаки перешли вместе с другими частями в Китай. Вскоре некоторые вернулись в Россию. С атаманом осталось около ста человек, включая детей. Они временно поселились в Чаньчуне, который в тот момент находился под контролем японцев. Здесь некоторые из них нашли работу на спичечной фабрике и своим заработком пополнили войсковую кассу. Замечательная черта уральских казаков состояла в том, что они всегда держались вместе, как в добрые времена, так и в худые, работали сообща и помогали друг другу во всем.

Так и здесь — общая касса, состоявшая из сохранившихся войсковых денег, главным образом вырученных от продажи верблюдов и снаряжения в Персии, содержалась для общих целей и по возможности пополнялась войсковым казначеем Павлом Зиновьевичем Землянушным (1884-1952). Решение ехать в Австралию также было принято сообща.

Ссылаясь на поддержку британского генерального

PASSPORT.

No. 976

In accordance with the Presidential Mandate of September 23rd, 1920, whereby the Russian Citizens, residing in China are temporarily under the protection of the Chinese Government, the Special Commissioner for Foreign Affairs, Shanghai, hereby issues the passport to Mr. P. Z. Zemlin Russian Citizen born on the 24 June 1884 at Ural Province and residing at Shanghai proceeding to Australia via _____ and requests all the friendly civil and military authorities, whom it may concern, to permit the holder of this passport Mr. Zemlin to pass freely without let or hindrance and to afford him all friendly aid and protection which he may stand in need of

Given at Shanghai, on the 10th day of the 9th month of the 1920 year of the Republic of China (10 Sept. 1920). **Valid for six months.**

Special Consul for Foreign Affairs, H. Agou.

ПАСПОРТЪ.

№ 976

На основании декрета Президента Китайской Республики от 23-го Сентября 1920 года, в силу которого русские граждане, проживающие в Китае, временно находятся под защитой Китайского Правительства, я, Специальный Комиссар по Иностранцам, Делег в Шанхай, выдал настоящий паспорт русскому гражданину Павлу Зиновьевичу Землянушному родившемуся 24 июня 1884 года в Уральской области и проживающему в Шанхае который отправляется в Австралию через _____

проси все дружественные правительства и местные власти оказывать по возможности сего паспорта законное содействие.

Выдан в Шанхае Семнадцатого месяца 11 дня 1920 года.

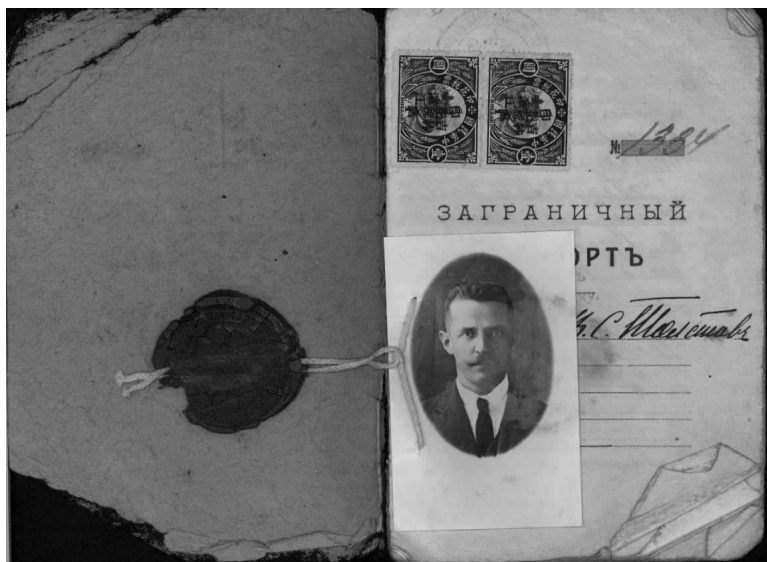
Действителен в течение шести месяцев.

Специальный Комиссар по Иностранцам Делег в Шанхай.

Заграничный паспорт казака-уральца П.З. Землянушнова консула в Шанхае и британского

IV

посланника в Тегеране, с которыми атаман Толстов в свое время вел переговоры, австралийский торговый представитель в Китае господин Литтл обратился в Австралийское Министерство Внутренних и Территориальных Дел за разрешением на въезд этой группы в Австралию. Последовала телеграфная переписка между премьер-министром в Мельбурне и квинслендским премьером в Брисбене, в результате которой разрешение на въезд в Австралию было дано как «чрезвычайный случай», ввиду заслуг уральских казаков перед союзниками в борьбе против большевиков. Казаки-уральцы, судя по их письмам, предполагали по возможности держаться вместе и осесть на землю, арендовав подходящий участок. Так они и сделали, заблаговременно купив на свое имя и на свои деньги участок земли на окраине Брисбена. Однако созданное уральцами овощеводческое хозяйство не могло прокормить шесть десятков человек, и им приходилось уезжать на сезонные работы. Так в Квинсленде казаки работали на фруктовых фермах близ Брисбена, за 10 шиллингов в день, с апреля по август собирали хлопок, а с июля до декабря рубили сахарный тростник, получая 16-18 шиллингов за восьмичасовой рабочий день. Причем их артели побивали все рекорды - пригодилась военная тренировка и умение рубить шашками. Но постоянную, столь же хорошо оплачиваемую, работу найти было очень трудно. Поэтому некоторые уезжали на заработки в Северную Территорию на постройку железной дороги. Собрав нужную сумму казаки выписывали свои семьи из Советской России или ездили в Харбин, чтобы жениться. Мечтой многих было, скопив 1000 фунтов стерлингов, необходимых для приобретения фермы, стать самостоятельными хозяевами.

Заграничный паспорт атамана В.С. Толстова

Со временем мечты осуществлялись, приобретались уже возделанные сахарные плантации или целинные участки земли, которые правительство продавало за номинальную цену в Квинсленде и в Северной территории. Фермером-хлопководом стал и сам атаман Толстов. Казаки с семьями стали постепенно разъезжаться, и образовались новые центры казачьих поселений. Одним из таких центров, как сообщает исследователь Н.И. Дмитровский, стал небольшой городок Кордальба в 380 км к северу от Брисбена, где в 1924-1934 гг. проживало без малого 150 русских. Половину из которых, а именно 45 семей составляли уральские казаки. Для поддержания и сохранения общности казаков в этом городе в начале 1930 года была учреждена общеказачья станция. Но постепенно русские стали уезжать из Кордальбы на север, где можно было по низкой цене

VI

купить большой участок земли, и к концу десятилетия здесь осталось всего пять русских семей. Общеказачья станица Северного Квинсленда, просуществовавшая со второй половины 1929 г. до середины 1930-х гг., была основана в Талли, что в 225 км к северу от Таунсвилла.

С 1930 г. главным центром казачьей общественной жизнь становится Брисбен, где также была учреждена станица. Землю приобретали не только казаки, но и представители других социальных слоев русской иммиграции. Например, после трех лет работы на железной дороге в 1926 г. С.Н. Дмитриев купил целинную землю близ города Тангул. Его примеру последовали многие другие и к 1934 году в этом районе проживало уже около 100 семей, преимущественно занятых выращиванием хлопка. Русская община в Тангуле стала самым компактным и процветающим поселением русских в Австралии. Здесь были построены хорошая дорога, клуб с библиотекой, открылась воскресная школа для детей, совместно отмечались православные праздники, соблюдались все русские обычаи и традиции. Однако в годы Второй мировой войны, когда возникла потребность в рабочей силе, многие продали свои фермы и переселились в город.

Владимир Сергеевич Толстов, атаман Уральского Казачьего войска, генерал-лейтенант, герой Великой войны и георгиевский кавалер, завершил свой земной поход в Вербное Воскресенье, 29 апреля 1956 года. Хотя уральские казаки, приехавшие со своим атаманом и не жили своей обособленной станицей, как вероятно сперва намеревались, а разъехались по всему штату в поисках работы и устраивали свою жизнь и судьбу независимо от других, тем не менее, до самого конца их объединяла определенная общность, казачье куначество, постоянно проявлявшееся в заботе друг о друге, в оказании помощи своим менее удачливым братьям. Чувство

VII

куначества проявлялось порой даже в неожиданных случаях. Рассказывают, как на отпевании уральца Георгия Константиновича Вишенина (1902-1973) в Св.Николаевском Соборе один из казаков-соратников покойного вынес полковые знамена, вывезенные казаками из России, и стоял с ними у гроба во время отпевания. Дочь покойного потом подошла к нему и поблагодарила за особое внимание. Казак отрекомендовался: «Курочкин». И добавил: «Как же? Мы за своими всегда присматривали!»

Москва, июль 2013 г.
А.Н. Кравцов.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начинаю свою повѣсть не съ первыхъ своихъ походовъ въ неизвѣстность, а только съ прибытія въ Фортъ-Александровскъ: съ этого времени мы становимся „уходцами“—людьми, если не навсегда, то на долгое время сознательно покинувшими свой родной край.

Что толкнуло насъ въ неизвѣстную даль?—Каж-дому честному русскому человѣку,—оставшемуся въ живыхъ отъ „безкровной революціи“ не могутъ быть непонятны причины этого: коммунизмъ намъ не по душѣ и новымъ паразитамъ не хотѣлось отдавать ни труда своихъ рукъ, ни своей крови.

Тяжелъ былъ нашъ путь, но онъ не законченъ. Куда насъ броситъ вновь судьба?—неизвѣстно.

Теперь же мы какъ и большинство русскихъ, только существуемъ, на что то надѣемся и вполнѣ сознаемъ, что дальнѣйшее меньше всего зависитъ отъ насъ самихъ.

Въ предыдущемъ, страшномъ зимнемъ походѣ была хоть борьба со стихіей. Много, бессмысленно много тамъ погибло. Кто остался живъ, тотъ едва ли чувствуетъ себя вполнѣ здоровымъ человѣкомъ. Теперь же что скрываютъ въ себѣ наши странствования?

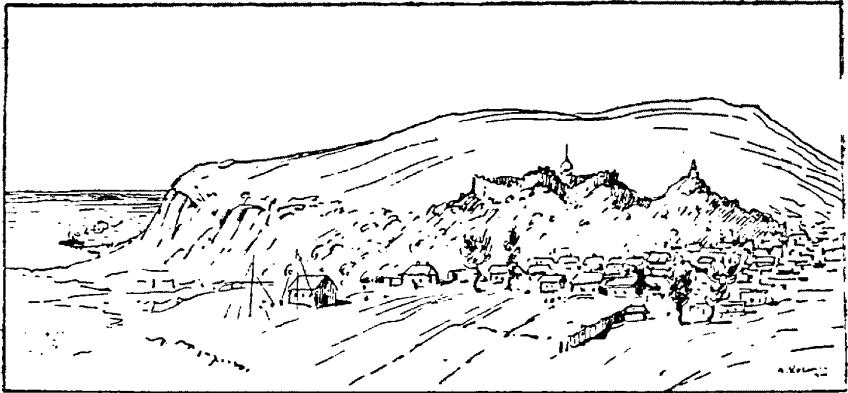
Вспоминается фраза одного изъ участниковъ похода, сожителя по кошару: „Прихватили на свой вѣкъ Майнъ-Рида, теперь суждено жить и по Джекъ Лондону“. И это пережито! Что будетъ дальше?

Мы тогда не блѣднѣли передъ ужасами, и, будучи на грани жизни и смерти, могли даже отъ души смѣяться надъ остроумнымъ словцомъ.

Какъ то разъ въ одинъ изъ жуткихъ дней тотъ же участникъ похода по поводу поблѣвшаго отъ мороза носа у походнаго „Аверченко“ глубокомысленно замѣтилъ: „Первый разъ вижу, чтобы молодые люди начинали блѣднѣть съ носа“. Смѣхъ, послѣдовавшій за этой фразой, отвлекъ вниманіе отъ свиста вѣтра и отъ упорной, но спокойной у всѣхъ мысли—здѣсь ли придется кончать свое существованіе, или тамъ, дальше, въ пути? Теперь же приходится блѣднѣть не отъ мороза, а отъ мысли—что будетъ съ Россіей, а значитъ, и съ нами? и ни какой смѣхъ не въ состояніи разогнать печальныхъ думъ!

Какъ бы хотѣлось конца такихъ переживаній и смерти не въ пути, а тамъ,—на Родинѣ.

Городъ Фортъ-Александровскъ находится на самомъ западномъ концѣ Мангишлагскаго полуострова. Фортеція отъ которой городъ и позаимствовалъ свое названіе, какъ-всѣ фортеціи добраго стараго времени, возвышалась надъ всей близлежащей мѣстностью. Изъ нея великолѣпно видны всѣ спуски съ облигающихъ кругомъ плоскогорій и отлично наблюдаются подходящія долины; и съ суши и съ моря ее видно, какъ на ладони.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Прибытіе въ Фортъ.—Навѣянные городомъ воспоминанія.—Встрѣча съ семьей и вездѣсущимъ поручикомъ.—Дз.-Дз.—Въ семейной обстановкѣ.

2—15 февраля 1920 года. Было что-то около четырехъ часовъ вечера, когда я со своимъ адъютантомъ, есауломъ Борисомъ Петровичемъ Митрасовымъ, въ плетушкѣ, запряженной парой лошадокъ, въѣхали въ Фортъ Александровскъ.

Городокъ этотъ почти цѣлымъ поколѣніемъ Уральцевъ былъ забытъ. Онъ до революціи жилъ только въ памяти стариковъ, помнившихъ рассказы своихъ отцовъ о гибели возлѣ него весной 1870 г. отъ вѣроломства киргизъ полусотни Уральцевъ, которая конвоировала Мангишлагскаго пристава подполковника Рукина, да вспоминался старыми моряками на нашемъ крейсере «Уральцѣ»: „Какъ они ходили туда зъ пер-

вый разъ по курсу, проложенному на картѣ“. Это было лѣтъ двадцать—двадцать пять тому назадъ.

Съ моимъ прибытіемъ съ западнаго фронта въ Гурьевъ въ мартѣ 1918 г. и съ выборомъ меня атаманомъ дружины, Фортъ притягиваетъ мои и казачьи взоры возможностью раздобыться тамъ, или на островахъ возлѣ него, оружіемъ и огнестрѣльными припасами, каковыхъ у насъ въ войскѣ было весьма ограниченное количество. Астрахань, сдѣлавшаяся нашимъ врагомъ со времени большевистскаго переворота была слишкомъ сильна, чтобы казакамъ, почти безоружнымъ, можно было поискать такое въ ея окрестностяхъ.

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ того года у насъ съ Фортъ заводятся торговья сношенія: оттуда привозили намъ табакъ, мануфактуру—сукно, бязь, персидскій ситець, мы же разрѣшали пріѣзжавшимъ купцамъ закупать хлѣбъ у себя въ области.

Въ апрѣлѣ 1919 г., когда я былъ уже атаманомъ войска и Командующимъ Уральской Отдѣльной Арміей, Фортъ и станица Николаевская становятся свидѣтелями побѣды англійскихъ моряковъ съ доблестнымъ адмираломъ Нориссъ во главѣ надъ флотиліей красныхъ, превышающей англичанъ какъ количествомъ судовъ и орудій, такъ и дальнобойностью послѣднихъ. Эпизодъ этотъ запечатлѣлся и въ дѣтскихъ мозгахъ будущихъ гражданъ Форты пѣсенкой:

Ерлапаны летятъ,
Бомбы катятся,
Комунисты бѣгутъ,
Въ лодки прячутся.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года я счелъ долгомъ встрѣтить доблестнаго адмирала въ Гурьевѣ. Отъ него я узналъ, что флотъ англичанами сдается русскимъ морякамъ. Такое сообщеніе меня не порадовало. Доблестное поведеніе англійскаго командованія вселяло въ меня вѣру въ благополучіе далекаго тыла моей арміи, упиравшагося своей главной базой—городомъ Гурьевымъ—въ море. Что за люди, которымъ сдается флотъ, и почему имъ сдается?— для меня было тайной.